

Институт всеобщей истории РАН
Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований

Signum

Москва
2000

Научно-информационное издание Центра гербоведческих
и генеалогических исследований ИВИ РАН

Ответственный редактор
А.П. Черных

Редколлегия:

А.А. Молчанов
О.Н. Наумов
В.А. Антонов
А.А. Ткаченко
(отв. секретарь)

Центр гербоведческих и генеалогических исследований
выражает благодарность Французскому Обществу
геральдики и сигиллографии и Мадридской Королевской
Академии Геральдики и Генеалогии за любезно
предоставленные материалы

©Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований, 2000
©Институт всеобщей
истории РАН, 2000

Эмблематика принадлежит к тем явлениям в истории мировой цивилизации, которые в конкретных своих проявлениях ограничены географически и имеют определенные временные рамки. Геральдика — одна из исторически сложившихся форм эмблематики. В рамках своего долгого существования она не осталась неизменной.

Историческая геральдика в нашем понимании этого термина представляет собой феномен средневековой европейской цивилизации. Она является принципиально важной чертой в характеристике этой цивилизации, затрагивая ее важнейшие аспекты. Самым тесным образом историческая геральдика связана со множеством проблем истории общества Средневековья и раннего Нового времени и одновременно сама относится к числу малоизученных и актуально-проблемных исследовательских тем.

Приходится констатировать, что сегодня настоящих исследовательских работ по исторической геральдике слишком мало. Для того, чтобы они появились, в должном количестве и соответствующего уровня, студенты-историки как будущие специалисты должны не только усваивать элементарный "геральдический" курс, но и приобретать фундаментальные знания, позволяющие уверенно ориентироваться во всем комплексе эмблематической проблематики и работать с источниками.

Традиционное преподавание геральдики как вспомогательной исторической дисциплины имеет, наряду с положительными, ряд отрицательных черт. Поскольку проблема геральдики в истории — научная

проблема, она не может изучаться только как прикладная дисциплина.

Неосведомленность в исторической геральдике продолжает оставаться характерной чертой общего кругозора и школьников, и даже студенчества. В школе и вузе очень мало используются огромные возможности изобразительного геральдического материала. Но ведь известно, что преподаватель может передать только то, чем владеет сам. Недостаточная компетентность учителя коренится в его "безгеральдическом" образовании. Оттого и трактуется подчас геральдика как "некая причуда темных веков". Что сделать, чтобы разорвать образовавшийся порочный круг и использовать в преподавании огромный потенциал геральдики? Как создать для учителей, для студентов реальные возможности заполнить эту лагуну в своем образовании, отказаться от ложных представлений? Надо в первую очередь обеспечить их добротной учебной литературой, а также открыть им доступ к подлинным источникам по эмблематике и геральдике: изобразительным, текстовым и прочим.

В то же время более чем актуальной задачей является публикация учебных вариантов средневековых гербовников, текстов геральдических трактатов в оригинале и научных переводов многочисленных текстовых источников по европейской эмблематике, в том числе и по геральдике.

Второй выпуск *Signum'a* сохраняет в целом структуру предыдущего. Но наряду с хроникальными и библиографическими материалами, которые мы по-прежнему считаем принципиально важными, появился новый, исследовательский раздел. Он включает в данном случае работы, посвященные конкретным источникам по античной эмблематике. В контексте общесторической и эмблематической проблематики авторы статей оценивают степень изученности и информативные возможности рассматриваемых ими источников.

Редколлегия

Хроника

■ 7 июня 1999 г. на научных чтениях Центра западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН "Средневековье и современность" М.Ю.Медведев (Санкт-Петербург) прочитал доклад *"Историческая самоидентификация геральдической науки"*.

■ 16 июня на Ученом совете Института российской истории РАН д.и.н. Н.А.Соболева (ИРИ РАН) прочитала доклад *"Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси"*. Доклад вызвал оживленную и заинтересованную дискуссию, в которой приняли участие В.Д.Назаров, В.А.Кучкин, А.П.Черных, Б.М.Клосс, А.Л.Хорошевич, В.Б.Перхавко, А.А.Покровский, А.И.Аксенов.

■ Во втором семестре 1998/99 учебного года на Историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета для студентов II курса д.и.н. В.Г.Бурков прочитал курс лекций по спецдисциплине *"Международная государственная геральдика и вексиллология"*, рассчитанный на один семестр — 36 часов. В 1999 г. для магистрантов I курса, специализирующихся по истории стран СНГ, д.и.н. В.Г.Бурков прочитал курс *"Государственные эмблемы и символы стран СНГ и Балтии"* (36 часов).

■ 16 июня в семинаре Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН выступил с докладом к.и.н. А.А.Молчанов (ИВИ РАН) *"Знаки Рюриковичей: проблемы"*

изучения". Его выступление вызвало оживленную и доброжелательную дискуссию, в которой приняли участие Е.А.Мельникова (ИВИ), Г.И.Королев (РГГУ), Г.В.Глазырина (ИВИ), В.А.Антонов (ИВИ).

■ 17 июня на публичном заседании Мадридской Королевской Академии Геральдики и Генеалогии сделан доклад действительный член Академии Don Pedro Cordero Alvarado *"El escudo de armas de Francisco Pizarro, reflejo de la conquista del Perú"*. (П.Кордеро Альварадо "Герб Франсиско Писарро как отражение завоевания Перу").

■ 15 сентября в г. Орле в Орловском государственном университете на конференции "Историческая психология и взаимодействие мировоззрений в истории" А.П.Черных (ИВИ РАН) выступил с докладом *"Особенности восприятия герба в Средние века"*.

■ Осенью 1999 г. в Париже на заседаниях Французского Общества геральдики и сигиллографии были заслушаны доклады: Н.Collin *"Les cimiers de la maison de Bar, du comte Édouard au duc René d'Anjou, d'après leurs sceaux."* (14 октября), J.-L.Chassel *"La sigillographie méridionale (XII-XIII siècles)"* (18 ноября).

■ 22—27 ноября на XIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проходившей на Историческом факультете Санкт-Петербургского университета, в секции вспомогательных исторических дисциплин Е.А.Яровая выступила с докладом *"Геральдика на закладных плитах крымского лапидария. К постановке проблемы"*.

■ 29 ноября на международной конференции "Слово и образ в средневековой культуре" (Институт всеобщей истории РАН, Москва) выступил к.и.н. А.П.Черных с докладом *"Образ средневекового герба"*.

■ 3—4 декабря 1999 г. в Серпухове в историко-художественном музее проходила III научно-практическая конференция "Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры". На конференции прозвучали выступления А.А.Молчанова

(ИВИ РАН) *"Знаки Рюриковичей: история бытования"* и А.Д.Пилипенко *"Геральдические заметки (К атрибуции двух экспонатов из собрания СИХМ)"*, вызвавшие общий интерес.

■ 13 марта 2000 г. в Культурном, научном и информационном центре Венгерской Республики в Москве открылась геральдическая выставка "Венгерские символы и история". 14 марта состоялся Круглый стол с участием венгерских и российских историков на тему "Два возврата венгерских знамен Революции и освободительной борьбы 1848—1849 гг." С докладами выступили ученые из Института и Музея военной истории в Будапеште Е.Дёркеи *"Два возврата гонведских знамен"* и Д.Коттра *"Символика и история символики гонведских знамен 1848—1849 гг."*, и Т.С.Леонова (ЦМВС РФ) с информацией о хранящихся в Центральном музее вооруженных сил документах по передаче Венгерской республике знамен в 1946 г.

■ 27 октября в Центре гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН д.и.н. Г.И.Королев прочитал доклад на тему *"Византийский двуглавый орел"*. На заседании присутствовали специалисты по истории Византии, специалисты по геральдике, историки-медиевисты и специалисты по истории европейского Возрождения. В прениях выступили И.С.Чичуров (ИВИ РАН), В. Арутюнова-Фиданян (ИВИ РАН), Н.А.Соболева (ИРИ РАН). Обсуждение проблемы показало, что тематически она связана со многими нерешенными и спорными вопросами истории эмблематики.

■ 4 ноября в Москве прошла Первая научно-практическая военно-геральдическая конференция Вооруженных Сил Российской Федерации на тему: Геральдическое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития.

■ 13—17 декабря в Испании в Сарагосе состоялся I Международный конгресс по эмблематике. Работа конгресса проходила по девяти основным темам: 1) источники эмблематики; 2) носители эмблем: демографические, генеалогические, ономастические ас-

пекты; 3) социальные основы эмблематики: знатность и право; 4) эмблемы непосредственного использования: одежда; 5) эмблемы косвенного использования: геральдика; 6) знамена; 7) другие проявления эмблематики; 8) эмблемы социальных отношений: церемониал; 9) эмблематика в искусстве и литературе.

■ 31 января 2000 г. в Париже в рамках семинара, посвященного христианской и мусульманской культуре Иберийского полуострова в XII—XV вв., организованного SNRS и Высшей школой исторических исследований, Э. Пардо де Гевара выступил с докладом "*Armerías y Linajes en Galicia entre 1300 y 1500*".

■ 14—17 марта в Казани для студентов III—IV курсов дневного отделения Исторического факультета Казанского государственного университета к.и.н. А.П.Черных (ИВИ РАН) прочитал спецкурс "*Ведение в историческую геральдику*" (16 часов).

■ 17—21 апреля в Москве и подмосковном Полупинке проходила Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция, организатором которой выступил Отдел нумизматики Государственного Исторического музея. Целый ряд докладов, прозвучавших на конференции, касался эмблематических сюжетов. С такими докладами выступили С.В.Белецкий, Ю.Н.Бохан и И.И.Синчук, П.Г.Гайдуков и Э.Хуберт, М.Б.Горнунг, В.В.Гурулева, В.Б.Клоков и В.П.Лебедев, Дж.Краснов, О.Н.Наумов, А.П.Черных, Е.А.Яровая (названия докладов см. ниже в рубрике "Новые статьи" библиографического раздела).

■ 2—7 мая в Безансоне (Франция) состоялся XXIV Международный конгресс генеалогии и геральдики.

■ 24 мая при Президиуме РАН создана Геральдическая комиссия в составе: академик РАН Ю.А.Поляков (председатель), д.и.н. Н.А.Соболева (заместитель председателя), к.и.н. А.П.Черных (заместитель председателя), д.и.н. А.И.Аксенов, к.и.н. А.А.Молчанов, к.и.н. О.Н.Наумов, д.и.н. А.В.Чернецов.

Библиография

Новые книги

Введение в историческую геральдику. Программа спецкурса. Авт.-сост. А.П.Черных. М.: ИВИ РАН, 2000. 12 с.

Геральдика в прошлом, настоящем и будущем. Материалы конференции к 20-летию Геральдического семинара при Государственном Эрмитаже. СПб.: 2000. 87 с.

Гербы городов и областей Российской империи /Сост. А.В.Кудин, А.Л.Цеханович. М.: Институт социальной связи, 2000. 160 с., ил.

Дрогов Е.М. Гербы Вятской губернии и Кировской области на значках. Киров: 1999. 32 с.: ил.

Кириленко Е.Ю. Музейная каталогизация объектов фалеристики: Автореф. дисс... к.культ.н. СПб.: 2000. 21 с.

Лавренов В.И. Вексиллология: Учебное пособие. Тверь: "Компания Фолиум", 2000. 101 с.

Лавренов В.И. История Тверского края в гербах, эмблемах и символах XIV—XIX веков: Автореф. дисс. к.и.н. Тверь: 2000. 28 с.

Подосинов А.В. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. М.: Языки русской культуры, 2000. 176 с.

Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Фаир-пресс, 1999. 444 с.: ил.

Холл Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве. 2 изд. М.: Крон-пресс, 1999. 656 с.: ил.

Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М.: Наука, 1999. 419 с.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем /Сост. В.Андреева и др. М.: Локид: Миф, 1999. 556 с.: ил.

Actes de XXI Congrès International des sciences généalogiques et héraldiques. Vol. 1-2. Luxemburg, 1999.

Cordero Alvarado P. Alburquerque en sus escudos y monementos. Alburquerque, 1999. 326 p., ill.

Cordero Alvarado P. El escudo de armas de Francisco Pizarro, reflejo de la conquista del Perú. Alburquerque, 1999. 62 p.

Dumin St. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Ksiestwa Litewskiego. Gdansk, 1999. 140 s.: il.

García Garrido S. El diseño heráldico como lenguaje visual. Heráldica nobiliaria de la ciudad de Ronda. Universidad de Málaga, 1998. 544 p., ill.

Libro del Conocimiento de todos los rregnos et señorios que son por el mundo et de las armas que han. Institución Fernando el Católico. Zaragoza, 1999. 270 p.: il (факсимильная публикация рукописи гербовника кон. XIV в.).

Mac Carthy M.F. Heraldica Collegii Cardinalorum. A Roll of arms of the College of Cardinals 1800—2000. Thylacine Press, 2000.

Menéndez Pidal F. Leones y castillos. Emblemas heráldicos en España. Real Academia de la Historia. Madrid, 1999. 316 p., ill.

Pardo de Guevara y Valdés E. Emblemas Municipais de Galicia. Santiago, 1999. 383, LVI p., il.

Riquer M. de. Caballeros medievales y sus armas. Madrid, 1999. 308 p.

Sánchez de la Rocha Táboas J. Blasones y linajes tudenses. Diputación Provincial de Pontevedra, 1999. 412 p., fot.

Sampedro Escolar J.L. Con nombre y apellidos. Tratado de genealogia práctica. Ediciones Martínez Roca. Barcelona, 1999. 271 p., ill.

Новые статьи

Белецкий С.В. Древнерусский княжеский знак как памятный объект // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 216—225.

Белецкий С.В. О трех группах древнерусских княжеских знаков // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 266—269.

Бохан Ю.Н., Синчук И.И. Конное изображение на печатях литовских князей второй половины XIV—XV вв. // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 269—273.

Бурков В.Г. Возрождение первого российского ордена // София. 1999. № 2. С. 34—35.

Бурков В.Г. Знак отличия Святой равноапостольной княгини Ольги // София. 1999. № 1. С. 27—28.

Бурков В.Г. К истории учреждения Комитета для рассмотрения представлений к Высочайшим наградам (по "Воспоминаниям" С.Ю.Витте) // С.Ю.Витте — выдающийся государственный деятель России: Тезисы научной конференции. СПб.: 1999. С. 28—30.

Бурков В.Г. Награды, чины и звания А.М.Горчакова // Горчаковские чтения: Тезисы научной конференции. СПб.: 1999. С. 7—13.

Бурков В.Г. Орденская система в социальной жизни Российской империи // Вторые петербургские Кареевские чтения по новистике: Империи нового времени: типология и эволюция (XV—XX вв.): Тезисы докладов. СПб.: 1999. С. 236—239.

Бурков В.Г. Термин "фалера" и его деривация в отечественной и зарубежной исторической лексике // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тезисы докл. и сообщений научн. конференции. М.: 1999. С. 56—57.

Буров В.А. О печати "Марфы-посадницы" (из истории фальсификации) // Российская археология. 1999. № 1. С. 193—196.

Гайдуков П.Г. О датировке "полушек" с изображением двуглавого орла под тремя коронами // Нумизматика и эпиграфика. Т. XVI. М.: 1999. С. 281—289.

Гайдуков П.Г., Хуберт Э. Западноевропейская товарная свинцовая плomba с изображением святого Вольфганга из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 273—275.

Герасимов В.Л. Морской геральдике быть! // Морской сборник. 1999. № 5. С. 31.

Герольд нашего времени [И.В.Борисов] // Человек и закон. 1999. № 5. С. 96—99.

Горнунг М.Б. Христианские символы на аксумских монетах // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 88—90.

Гурулева В.В. Монеты Палеологов с изображением двуглавых орлов в собрании Государственного Эрмитажа // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 40—43.

Дворянский календарь: Справочная родословная книга российского дворянства. СПб.: ВИРД, 1999. 143 с.: ил. О гербах Данзасов (с.20), Кузминских (с.36),

Надервелей (с.47), Ростроповичей (с.53), князей Сайн-Витгенштейнов (с.65—67), Шидловских (с.94).

Зайцев А. Герб государства Российского //Подъем. 1999. № 7. С. 18—20.

Зайцева Л.П. Отечественная вексиллология: от теории к повседневности науки //Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тезисы докл. и сообщений научн. конференции. М.: 1999. С. 70—71.

Кириленко Е.Ю., Шевелева Е.Н. Награды Соединенных Штатов Америки //Бомбардир. 1999. № 8. С. 99—110.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Западноевропейские торговые пломбы из развалин Сарая //Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 275—277.

Ковалевский В.Ф. Геральдический деятельности — лицензионный контроль! //Правительство — город — люди. 1999. № 12. С. 107—111.

Королев Г.И. Точность в исторической эмблематике и эмблематической археографии //Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тезисы докл. и сообщений научн. конференции. М.: 1999. С. 81—82.

Краснов Дж. Венгерская символика на хорватских монетах //Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 97—98.

Лавренов В.И. Советская политическая символика 1920—1930-х гг. и влияние на нее творчества Н.А.Некрасова //Н.А.Некрасов в контексте русской культуры. Ярославль: 1999. С. 67—72.

Левин С.С. Христианская символика и орден Св. Екатерины //Монета. Международный нумизматический альманах. Вып. 6. Вологда: "Ардвисура", 1999. С. 106—117.

Лысенко П.Ф. Булла киевского митрополита Кирилла из раскопок в Турове //Российская археология. 1999. С. 207—210, ил.

Наумов О.Н. Отечественная геральдическая книга во второй половине XVII—XX вв.: постановка проблемы //Информационные технологии в печати: VI Международная научная конференция Международной академии информатизации. М.: 1999. С. 244—250.

Наумов О.Н. Понятие "герб" в отечественной историографии //Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 292—294.

Н.П.Чулков о русской генеалогии [в 1905—1915 гг.] //Российский архив. Т.IX. 1999. С.559—573 (о геральдике: с.568—569).

Рево О. Гербы городов Виленской губернии Российской империи //Наука и жизнь. 1999. № 6. С. 104—105.

Склизкова Е.В. Геральдика в свете культурологии / Гос. Академия славянской культуры. — М.: 1999. Депон. в ИНИОН РАН 28.01.99, № 54274. 24 с.

Степанов Е.В. Гербы в политической жизни Священной (Римской) империи во 2-ой пол. XI—1-ой пол. XIII вв. //Тюменский исторический сборник. Вып. III. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета. 1999. С. 172—178.

Уваров А.С. Русская символика //Российский архив. Т. IX. М.: 1999. С. 603—670.

Фалеристика. [Челябинск: 1999]. 24 с.: ил.

Хоруженко О.И. Гербы Пушкиных и их однородцев //Предки А.С. Пушкина. М.: 1999. С. 66—75.

Черных А.П. Знаки каденции в португальской геральдике XVI в. //Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 106—108.

Черных А.П. Из воспоминаний старого герольда //История средних веков. 6 класс: Книга для чтения. Под ред. В.П.Будановой. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 234—250.

Янин В.Л. Две древнерусские вислые печати начала XI в. //GENNADIOS. К 70-летию акад. Г.Г.Литаврина. Институт славяноведения РАН. М.: "Индрик". 1999. С.292—303.

Яровая Е.А. О геральдике гетуэзских ремесленников //Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М.: 2000. С. 101—103.

Pinoteau H. La symbolique royale française en 1830 //Hidalguía, mayo—agosto, 1999. NN 274—275.

Рецензии

Бородин О. Все о геральдике [Рец. на кн.:] *Signum*. Научно-информ. бюлл. Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН. Вып. I. М.: 1999 // Библиотека. М.: 1999. № 9. С. 45

Леонтьева Г.А. [Рец.:] Гербы городов России. М.: 1998. //Вопросы истории. 1999. № 6. С. 166—168.

Наумов О.Н. [Рец.:] Бурков В.Г. Государственные эмблемы и символы стран Содружества Независимых государств и Балтии. СПб.: 1998; он же. Государственные эмблемы и символы стран Западной Европы. СПб.: 1998; он же. Государственные эмблемы и символы стран Восточной Европы. СПб.: 1999 //Новая и новейшая история, М.: 2000. № 1. С. 240—241.

Archer Q.D.R. [Рец.:] Yanin V.L., Gaidukov P.G. *Documentary Seals of Ancient Russia (10th—15th Centuries)*. Vol.III. Seals recorded between 1970 and 1996. Moscow, 1998 //Journal of the Russian Numismatic Society. N 68. Summer 1999. P. 2.

Обзоры и критика

Знамена в музейных собраниях: хранение и реставрация.

28 ноября—1 декабря 1994 г. в Стокгольме в Королевском Военном музее состоялся симпозиум, посвященный изучению и реставрации знамен. Инициаторами его стали шведские музеи военной истории. Участниками симпозиума были специалисты из разных стран: Швеции, Германии, Италии, Канады, России, Франции и др.

В 1999 г. их доклады были опубликованы в сборнике: "Conservation of Flags: Symposium: Royal Army Museum: Stockholm, Sweden". Основной темой симпозиума стала проблема сохранения знаменного фонда. Рассматривались вопросы, связанные с историей реставрации знамен (E. Moller "The Flags and their Conservation History" и др.). Большое внимание было уделено обсуждению современных реставрационных методик, используемых в ведущих реставрационных центрах Швеции (M. Lundeberg "Conservation of Flags and Banners using Adhesives"; I. Wallenborg "Conservation at the Textile Department of the Royal Army Museum and State Royal Collection"), Германии (E.-H. Schmidt "Flags of the Wehrgeschichtliches Museum Rastatt"), Канады (M. Keyserlink "The Approaches to the Conservation of Flags and Banners at the Canadian Conservation Institute"), Франции (S. Leluc "The Textile Restoration Workshop Musée de l'Armée — Hôtel National des Invalides").

Прозвучали доклады по истории коллекций знамен, хранящихся в Швеции (E. Turek "A Presentation of the Swedish State Trofy Collection" и др.), Италии (R. Sigurezza "The Vittoriano and Flag Memorial"), России (Г.В.Вилинбахов "Коллекция флагов Эрмитажа", Новгородова В.В. "Коллекция знамен музея революции"). Некоторые сообщения были посвящены изучению и истории реставрации отдельных уникальных памятников (E.L. Granlund "The Swedish Banner of the Realm — RIKSBANERET — from 1751"; F. Boersma "Case Study — Forensic Research on an Indonesian Flag").

Широкий круг вопросов, связанных с изучением исторических знамен, условиями их хранения и экспонирования рассмотрен в ряде докладов сотрудников музеев и реставраторов Швеции.

М.П. Голованова

X Конгресс по генеалогии и геральдике (Яссы, Румыния), 1999

В 1989 г., в рамках Дней Ясского Института истории и археологии "А.Д.Ксенопол", состоялся первый румынский симпозиум по генеалогическим исследованиям, на котором было представлено 8 научных сообщений. В том же году ежегодник названного института ввел отдельную постоянную рубрику "Генеалогический архив", чье название восходит к одноименному журналу, издававшемуся румынским генеалогом Севером де Зотта в 1912—1913 гг. С 1994 г. "Генеалогический архив" начал выходить самостоятельно, с периодичностью 4 раза в год. Инициатива ясских ученых имела успех и спустя год состоялся второй генеалогический симпозиум, ставший впоследствии ежегодным.

В 1993 г. из Национальной Комиссии по геральдике, генеалогии и сфрагистике Румынской Академии наук (создана в 1971 г. из Института истории "Николае Йорга") в Бухаресте выделился Ясский филиал, главой которого был избран известный румынский ме-

диевист и генеалог Штефан Сорин Горовей. В 1998 г. состоялся IX конгресс по генеалогическим исследованиям, а с IX-го (1998 г.) — конгрессом по генеалогии и геральдике. На общем собрании 9 мая 1998 г. было принято решение об учреждении в Яссах Румынского Института генеалогии и Геральдики "Север Зотта" при Румынской Академии наук.

Юбилейный X Конгресс по генеалогии и геральдике проходил 13—16 мая 1999 г. в залах Ясского филиала Румынской Академии наук. По традиции, конгресс открылся пленарным заседанием, на котором чествовали юбиляров. На втором пленарном заседании отмечали 125-летие со дня рождения Севера Зотты. 14 и 15 мая заседания проходили по отдельным секциям "Генеалогия" и "Геральдика". Всего были заслушаны 67 научных сообщений из 71 зарегистрированного. Участники форума представляли Румынию, Молдавию, Францию, Германию, Грецию, Англию, Швейцарию, Польшу и другие страны. Как обычно, все выступления будут опубликованы в "Генеалогическом архиве". В день закрытия участники в свободной форме говорили об итогах своей работы, об уровне румынских генеалогических и геральдических исследований на пороге XXI в. (следующий конгресс состоится в 2001 г.). После закрытия конгресса состоялось общее собрание Румынского Института генеалогии и геральдики "Север Зотта", на котором, в частности, был избран почетным председателем общества д-р Клаудиус фон Теутул — потомок древнейшего боярского рода Молдавии, ныне живущий в Германии.

С. Андриеш-Табак

Российский герб глазами нумизмата

Недавно суду читателя предстала новая книга известного специалиста в области отечественной нумизматики, знатока российской монетной чеканки императорского периода, В.В. Узденикова (В.В. Уздеников "Геральдическое оформление Российских монет 1700—1917 гг." М.: 1998). Она привлекла внимание

специалистов тем, что автор подверг нумизматический материал гербоведческому анализу, избрав одно из наименее изученных и в то же время одно из самых перспективных направлений на пути исследования исторической геральдики. Визуальная ипостась геральдики в данном случае основана на диахронном комплексе бесспорных по датировке и атрибуции памятников — на российских монетах 1700—1917 гг. Автор, учитывая традицию детального изучения российской монеты XVIII—XIX вв. как отечественными, так и зарубежными исследователями, обратил внимание на разнообразие помещенных на монетах геральдических изображений, выдающее ту мнимость, в рамках которой геральдика продолжает существовать в сознании.

В.В. Уздеников отметил противоречие данных источника и расхожих представлений: "Казалось бы, монеты, выпущенные таким централизованным государством, как Российская империя, должны быть снабжены единой государственной символикой..." Единство империи, следуя традиционной логике нашего исторического мышления необходимо должно отразиться в единстве государственной эмблематики. В сознании общества закрепились стереотипы, которые настойчиво подталкивают восприятие к удобному представлению о геральдике как едва ли не идеально кодифицированной, характеризующейся якобы таким уровнем унификации, при котором имеют значение поворот когтя или число перьев. Справедливости ради надо заметить, что такой взгляд небезоснователен, но преимущественно для геральдики XX в. Так, например, на дату (день и месяц) революции указывает число перьев в крыльях и хвосте птицы из герба Индонезии, число лучей звезды в гербе Малайзии означает 9 султанатов, 4 губернаторства и федеральную территорию Куала-Лумпур. Но для XVIII—XIX вв. подобная точность выглядит анахроничной. Известен и источник убежденности в мнимой четкости геральдики: как ни странно, это исследования по теоретической геральдике XVIII—XIX вв. с их обреченными попытками скрупулезно учесть всю вариативность геральдического материала. Словом, можно быть только благодарным нумизмату, который предпочел не оставлять свои сомнения в стороне, не прошел мимо неудобного, внешне парадоксального наблюдения, что в России "императорского периода" "в обращение одновремен-

но выпускались монеты, снабженные... различными геральдическими изображениями", а сделал его основой подхода.

В.В.Уздеников отмечает до середины XIX в. не унификацию геральдических изображений, а очевидное разнообразие, наблюдающееся даже на одновременных монетных выпусках. Проведенное исследование показало, что геральдическое оформление денежных знаков в значительной степени было подчинено практическим потребностям российского денежного обращения и монетного производства. Эти рациональные приоритеты в сравнении с требованиями теоретической геральдики удивительны. Однако каждое утверждение основано на безукоризненно точных и в рамках проблемы вполне представительных источниках.

Собственно говоря, нумизматы давно об этом знают, даже можно сказать — всегда знали. Еще П.П.Винклер писал: "Часто, особенно на монетах XVIII в., орел изображался без московского герба. Скипетр и держава в лапах орла также иногда заменялись мечом, лавровой ветвью и другими эмблемами..."¹. Наибольшую ценность результаты книги В.В.Узденикова представляют как раз не для нумизматов, а для исторической геральдики, для гербоведения. Надо признать, что широкая изобразительная вариативность геральдического компонента монеты — норма, обычное дело, не нарушающая в сознании заказчиков, граверов, резчиков монетных штемпелей и — главное — потребителей этих геральдических изображений правильности и полноты герба, воспроизводящая со всем разнообразием воспроизведения один и тот же (sic!) герб. Потому и не пресекалась инициатива граверов, что иницилируемое ими разнообразие начертания не меняло самого герба. И то, в чем автор усматривает "вольное обращение с государственным гербом" и объясняет это этапом становления российской геральдики, в действительности объясняется тем, что вплоть до середины XIX в. российская геральдика оказывалась ближе к традициям и свободе западноевропейской геральдики, функциональной и практичной.

¹ Винклер П.П. Государственный орел // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IX. Полутом 17. СПб., 1893. С. 412

А строгие рамки норм и установлений геральдики во многом оставались там, где они и родились — на страницах руководств и трактатов по "благородной науке".

В.В.Уздеников насчитывает на монетах периода 1700—1917 гг. 6 разновидностей, точнее иконографических вариантов государственного герба. Закономерность их появления прослеживается в отдельности на медных, серебряных и золотых монетах. Автор приводит полный комплекс геральдических изображений российской государственной эмблематики "императорского периода": двуглавый орел со скипетром и державой, московский герб, знаки ордена Андрея Первозванного, наиболее иерархически значимые в титулатуре российских императоров территориальные гербы (гербы царств — Казанского, Астраханского, Сибирского, Польского, Грузинского, Херсонеса Таврического — и великих княжеств — Киевского, Новгородского, Владимирского, Финляндского).

Какой бы элемент геральдического изображения ни рассматривался, В.В.Уздеников отмечает большое число вариантов его начертания. Например, в эмиссиях серебряных монет геральдические короны различаются по виду и числу (с. 14, Рис. 4, 1—4, рис. 6,7). А что касается медных монет массового выпуска первой четверти XVIII в., то короны изображаются почти произвольно, "самого фантастического рисунка" (с. 15). Автор показал, что возможна зависимость в выборе вида короны на монетах от национального происхождения гравера; отметил, что императорская корона на монетах стала употребляться на три года раньше, чем Петр I официально стал императором.

Отмечается автором и произвольность употребления форм гербового щита в российской гербе на монетах. Бытование семи разновидностей форм щита красноречивей прочего свидетельствуют о том малом значении, которое придавалось виду щита практической геральдикой. И дело не в том, что художники и граверы были незнакомы с теорией геральдики (напротив, наличие геральдических штриховок на ряде монет свидетельствует об обратном), а в том, что она им просто не была нужна. Собственно, у этой теоретической геральдики вообще не было реального массового адресата, однако это уже совсем другая тема. Частое помещение на монетах так называемых фран-

цузских (Екатеринбургский монетный двор) и германских (Сузунский монетный двор) форм щита (с. 16, 17, 24), широко распространенных в Европе, говорит в первую очередь о стабильном намерении верховной власти по всей стилистике оформления, в том числе и по этому элементу, видеть российскую монету в кругу общеевропейской — и не более того.

Элементы российской геральдики в сочетании с западноевропейской представлены на примере монеты, отчеканенной в Мангейме в 1753 г. в честь утверждения принца Карла Петра Ульриха (будущего Петра III) наследником российского престола с российским гербом и его наследственными и других. Представляет интерес анализ геральдических проектов на нереализованных монетных выпусках (с. 41—46), но особенно любопытно рассмотрение монетных серий для прибалтийских территорий, в которых на гербовом орле отсутствует орден Андрея Первозванного и где имеются изображения гербов Риги и Ревеля. Несмотря на геральдическое соответствие титулатуре в собственно российских монетах, в Варшаве чеканились монеты для хождения в Польше, на которых орден Андрея Первозванного тоже, естественно, отсутствовал и на груди орла до 1835 г. был щит с гербом Царства Польского. При этом для входившей в состав Российского государства Финляндии, имевшей свою денежную систему, но не имевшей первоначально собственной монеты, с 1864 г. чеканились монеты с гербом Великого княжества Финляндского. Таким образом геральдика очень точно подчеркивала нюансы статуса земель в составе Российской империи, подчас незаметные в титулатуре и очевидно, что создатели монеты учитывали геральдический фактор в полной мере.

В.В.Уздеников ясно показывает зависимость геральдического оформления от металла монеты (с. 25, 26, 31—34): с повышением ценности металла нередко повышался и статус геральдического изображения (с. 31). Одновременно отмечена и другая закономерность: повышение статуса геральдического изображения в зависимости от повышении номинала монеты (с. 35). Ряд сопряженных с гербами номиналов, начиная с московского герба на самых мелких, относится к красноречивым знаковым иерархиям, что важно для понимания восприятия геральдики в общественном созна-

нии. С позиции построения иерархии должна оцениваться и чеканка на золотых двухрублевиках 1718—1728 гг. эмблемы еще более высокого статуса, чем герб — изображения небесного покровителя России Святого Андрея Первозванного. В этом же ряду интересны наблюдения о сравнительном статусе герба и императорского вензеля как особом виде геральдического изображения, с учетом того, что в разное время их соотношение оценивалось по-разному.

Изображение было тем проще, чем ниже номинал и дешевле металл монеты. Это, учитывая прежде всего ее активное хождение внутри страны, предполагает, следовательно, более широкое распространение изображения. Поэтому рисунок на этих эмиссиях — это тот минимум геральдически сообщаемой подданным информации, менее которого эмитент (в данном случае верховная власть в Империи) не считает возможным вводить в общество. Таким образом только комплекс источников дает представление о направленности геральдических модификаций. Притом надо заметить, что эти многомиллионные тиражи монет — плавающие, а подчас единственные (наряду с ассигнациями) носители эмблематики государственности в России. Это те варианты государственной геральдики, которые самым непосредственным образом были обращены к многомиллионному населению империи, это тот канон визуального выражения верховной земной власти, в какой облекалась сама эта власть, и это тот всепроникающий лик идеологии, который на этом уровне понятен всем — от государственного мужа Г.Р.Державина ("в нем герб отечества он зрел") до кабацкой голытьбы, похмельно всматривавшейся в свой лик империи на своей ладони.

В изображении гербового орла В.В.Уздеников отмечает, естественно, большое разнообразие (с. 19). Но еще интереснее наблюдения над динамикой процессов, показывающие, что к XX в. разнообразие уменьшается, геральдические изображения унифицируются. Очевидно также прагматическое отношение к рисунку герба, свидетельствующее о том, что изменение рисунка не меняет отношения к гербу, даже не затрагивает его. Новая эмиссия, новый медальер или гравер влияли на рисунок гербового орла, но орел оставался орлом, а значит и герб оставался гербом. В свете такого понимания геральдики нельзя не согла-

ситься с М.Пастуро, считающем, что геральдика Нового времени до сего дня — одна из очень мало изученных тем.

Достоинством работы В.В.Узденикова является рассмотрение всей совокупности особенностей геральдического оформления монет, широкий хронологический охват. Автор попытался выяснить непосредственные причины варьирования геральдического оформления монетных выпусков, не оставив в стороне и те иностранные монеты, которые имеют геральдические элементы, характерные для российской геральдики. Размышляя над этими особенностями, В.В. Уздеников подчас находит простые и рациональные объяснения одновременному существованию различных геральдических изображений на монетах, связанных со спецификой монетного дела (с. 33).

Эта публикация обладает сильным позитивным потенциалом, добротностью и достоверностью. Книга прекрасно иллюстрирована: 15 таблиц иллюстраций, одна из которых приводит 48 вариантов изображений гербового орла на монетах. Способ изображений — монетная прорисовка — графически очень убедителен и дает почти полное представление об источнике. Нельзя при этом не отметить, что отсутствие научного аппарата затрудняет уточнение некоторых деталей, отмечавшихся в специальной литературе. Например, В.В.Уздеников разделяет более чем спорное мнение Е.А.Пахомова о преднамеренном искажении российского двуглавого орла на медных монетах Грузии кон. XVIII в. Хотя бы краткий историографический очерк проблемы позволил бы внести необходимую ясность в состояние ее изучения. Вместе с тем очевидно, что книга — напоминание о проблеме и представляет собой приглашение к давно необходимой дискуссии.

В принципе вполне правомерно введение предлагаемого автором понятия "российской монетной геральдики" для обозначения определенной части российской эмблематики со всей нумизматической спецификой этого источника, с четко обозначенными его границами и возможностями. При той поддержке, которую оказывает гербоведению нумизматический материал, нельзя не отметить и встречного движения: перемены в геральдических деталях оформления монеты позволяют уточнить место чеканки, особенно

при обработке кладов монет плохой сохранности. В исторической науке сегодня никто, как это ни огорчительно, не воспримет обращение нумизмата к геральдическим проблемам как традиционное для нумизматики направление. Напротив, новизна такого поворота темы очевидна. И в то же время основательность и последовательность подхода к ее решению обещает будущим исследователям твердую почву добротно обработанного материала. Попытка В.В.Узденикова "восстановить законные права нумизматики в российской геральдике XVIII—XX вв." (с. 56) вполне удалась. Долгожданная работа проделана и открывает новые возможности исследований в гербоведении, нумизматике, отечественной истории.

А.П.Черных

Геральдические ошибки одного учебного издания

В 1999 г., издательство "Лексика" выпустило в свет набор из 16 цветных большеформатных открыток "Гербы дворянских родов России". В двух из них были перепутаны подписи под рисунками: герб графа Лорис-Меликова значился принадлежащим графам Голенищевым-Кутузовым-Толстым, и наоборот. Эта ошибка может быть легко исправлена любым геральдистом, поскольку в гербе графов Голенищевых-Кутузовых-Толстых имеется характерная для всех происходящих от Индриса родов эмблема — ключ с крылом. Однако указанный курьез начал распространяться. Цветные, хорошего качества изображения гербов в русской геральдике встречаются редко, и открытки стали использоваться в качестве иллюстраций.

Так, в разделе "Геральдика" книги для чтения "Введение в историю", предназначенной для учащихся пятых классов (автор — Н.Г.Петрова. М.: 1998), воспроизведен герб графа Лорис-Меликова с описанной выше ошибкой в подписи (с.103). Другие иллюстрации, взятые с комплекта открыток "Гербы дворянских родов России", автор сопроводила неверными уже с точки зрения генеалогии подписями. Герб Суворовых-

Рымникских с четко видной графской короной назван княжеским (с.104), а скромный горный инженер Ф.Т.Петров, чей герб примечателен только тем, что оказался одним из последних по времени утверждения русских дворянских гербов, неожиданно возведен в графское достоинство. Существенной неточностью, по нашему мнению, является и именование светского всадника с герба Москвы Святым Георгием (с.111). Такая ошибка прощительна некомпетентному журналисту, но школьники должны иметь верное представление о гербе столицы России, хотя бы его официальное описание было и неточно. Остается только сожалеть, что в целом интересное, полезное и нужное издание Н.Г.Петровой не обошлось без досадных ошибок и, таким образом, при тираже в 10 тысяч экземпляров введет в заблуждение многих маленьких граждан нашей страны.

О.Н.Наумов

Исследования

А.А.Молчанов

Истолкование полисных эмблем в античной письменной традиции: источниково- ведческие подходы

В древнегреческих полисах практика использования отдельных изобразительных мотивов или фигуративных композиций в качестве государственных эмблем документируется многими конкретными свидетельствами¹. Такие эмблемы помещались на керамических клеймах, на каменных стеллах с текстами официальных документов, на воинских щитах², и т.д. Но особенно часто они фигурировали на монетах, удостоверяя их полновесность и контроль со стороны государства над выпуском соответствующих денежных эмиссий.

Порядок употребления государственных эмблем был, судя по всему, одинаковым как в "коренных"

¹ Этого вопроса касались в своих исследованиях многие нумизматы-античники. Из наиболее известных и максимально фундированных работ ср., например: Gardner P. The types of Greek coins. Cambridge, 1882; Macdonald G. Coin types, their origin and development. Glasgow, 1905; Зограф А.Н. Античные монеты. М.-Л.: 1951.

² Об этом приходится судить преимущественно по рисункам на вазах. Там эмблемы на щитах встречаются не только у персонажей батальных сцен, но и у божеств. Характерный пример являет здесь изображение совы на щите Афины в том виде, как оно представлено на некоторых "панафинейских вазах" (призовых и сувенирных амфорах с оливковым маслом с праздника Панафиней) из Афин. Ту же эмблему несли на своих щитах воины-афиняне во времена Пелопоннесской войны (431-404 гг. до н.э.). С конца VI в. до н.э. она находит свое постоянное место на монетах афинской чеканки (Sear D. R. Greek coins and their values. Vol. I. London, 1978. P. 182, 235-241).

греческих полисах юга Балкан и Эгейского побережья Малой Азии, так и в отдаленных колониях эллинов, включая Причерноморье³. Однако истинное происхождение подобных символов и их смысловую нагрузку приходится выяснять для каждого конкретного случая в сугубо индивидуальном порядке.

Нередко разгадка лежит, можно сказать, прямо на поверхности. Достаточно сопоставить изображение и его словесное обозначение по-гречески с названием полиса. Если обнаруживается созвучие двух лексем (имени нарицательного и топонима), то именно в нем следует искать причину выбора изобразительного прототипа данного полисного "отличительного знака" (греч. "парасемон"). Подобным путем возникали так называемые "говорящие эмблемы": у Родоса таковой стала роза (греч. "родон"), у сицилийского Селинунта — сельдерей (греч. "селинон"), у Сиде в Памфилии — гранатовый плод (греч. "сиде"), у Фокеи — тюлень (греч. "фоке"), и т.п.

В других случаях семантика государственной эмблемы выясняется косвенным образом, только после привлечения всей совокупности имеющихся в нашем распоряжении данных о политической истории, особенностях экономики, торговых контактах, религиозной жизни и главных культах того или иного греческого полиса⁴. И только изредка исследователю предоставляется возможность воспользоваться прямыми указаниями на сей счет античной письменной традиции. Но здесь сразу же встает вопрос о степени достоверности того или иного сообщения древних авторов. Остановимся на некоторых из них, чтобы попробовать разобраться с заключенными в них источниковедческими подходами. В качестве наиболее надеж-

³ Ср.: Карышковский П.О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика античного Причерноморья. Киев: 1982. С. 80—98.

⁴ Из последних штудий такого рода см., например: Абрамзон М.Г. Хлебная торговля и ее символы на античных монетах // Торговля и торговец в античном мире. М.: 1997. С. 77—89; Суриков И.Е. К интерпретации хлебных символов на античных монетах зоны Черноморских проливов // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль, 19—23 апреля 1999 г. Тез. докл. и сообщ. М.: 1999. С. 17—19.

ного критерия для задуманной проверки должен послужить прежде всего нумизматический материал, ибо каждый раз нам придется иметь дело с истолкованием античной традицией полисных эмблем в связи с их присутствием, согласно бытовавшему мнению, на древних монетах.

Среди сюжетов из легендарной истории Аттики у эллинских писателей особой популярностью пользовался, как известно, цикл сказаний о Тесее. Ему приписывались не только богатырские подвиги, но и важнейшие нововведения в политической и экономической сферах жизни Афин ахейского времени. Одним из таких новшеств афинская традиция считала чеканку монеты.

Плутарх в жизнеописании Тесея (Plut. Thes., 25) излагает на сей счет мнения аттических антиквариев и свое собственное. При этом предлагается сразу несколько версий, раскрывающих семантику якобы существовавшего реально монетного типа. По словам Плутарха, "Тесей чеканил монету, выбивая на ней изображение быка: это был либо намек на Марафонского быка⁵ или на Мьяносова полководца⁶, либо совет согражданам заниматься земледелием. Отсюда, говорят, пошли выражения «стоимостью в сто быков», «стоимостью в десять быков»⁷.

Приведенный выше пассаж несомненно представляет собой результат историко-филологических реконструкций греческих антиквариев-эрудитов, включая и самого Плутарха. Исходили же они прежде всего из желания дать свое толкование известным любому мало-мальски образованному эллину гомеровским выражениям, в которых присутствует оценка стоимости тех или иных предметов, признаваемой эквивалентной определенному количеству быков. Но, как ясно современному ученому, отраженная в древнегреческом эпосе и фольклоре память о роли скота в качестве товара-денег столь же анахронистична по отношению к моменту появления в Элладе монеты,

⁵ Опустошавшего Аттику и убитого Тесеем.

⁶ По некоторым версиям афинских и критских героических сказаний (Plut. Thes., 16, 19), Тесей, прибыв в Кносс к царю Миносу, победил там военачальника по имени Тавр (греч. "таврос" — бык).

⁷ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I. Пер. С. Маркиша. М.: 1961. С. 17, 18.

как и имя Тесея. Да и фигура быка, будучи мотивом весьма распространенным в античной монетной типологии, в целом чужда афинским денежным эмиссиям⁸.

Другой пример истолкования эмблем на монетах, уже как сакральных символов, дает Павсаний (II. 30. б), живший во II в. н.э. и скрупулезно собиравший в своих путешествиях по памятным местам Эллады местные мифы и исторические предания. Повествуя о древнейшем прошлом Трезенской области (на северо-востоке Пелопоннесского полуострова), он приводит сведения, почерпнутые из рассказов местных жителей: "...Афина и Посейдон, по их словам, вступили в спор за обладание этой страной, но несмотря на спор, владеют ею сообща: так им приказал Зевс. Поэтому они чтут Афины под именем Полиады (Градохранительницы) и Сфениады (Могучей), а Посейдона под названием Царя. И на древних монетах у них стоит изображение: трезубец и голова Афины"⁹.

Данное литературное свидетельство о типологии монет Трезена, весьма конкретное по содержанию, вполне согласуется с данными нумизматики. Сочетание изображений головы богини Афины и навершия трезубца характерно для всего периода автономной монетной чеканки названного полиса, который приходится на середину V — III в. до н.э.¹⁰

Еще один пример длительного сохранения в письменной традиции версии о происхождении полисной эмблемы относится к Проконнесу, располагавшемуся на одноименном острове в западной части Пропонтиды (Мраморного моря). Данная версия присутствует в новелле об основании города, которая дошла

⁸ Как на исключение из этого правила можно сослаться на тетрадрахмы из разряда так называемых "Warrenmünzen", датированные 515—510 гг. до н.э. и несущие на аверсе голову Горгоны в фас, а на реверсе — голову быка в фас (Sear D. R. Op. cit. Vol. I. P. 181. N 1835). Однако здесь все-таки присутствует не полное изображение животного. К тому же эти монеты очень редки, а их отнесение к денежному обращению именно Афин является результатом научных штудий уже XX в. и к тому же ставится некоторыми специалистами под сомнение.

⁹ Павсаний. Описание Эллады. Пер. С.П.Кондратьева. Т. I. СПб.: 1996. С. 174.

¹⁰ Sear D. R. Op. cit. Vol. I. P. 261.

до византийского времени. Вот как изложена она в "Хронографии" Продолжателя Феофана (VI. Самодержавное правление Константина, 3), в связи с объяснением названия острова Проконнес (средневеков. греч. Приконис): "...прежде он назывался Неврией и был переименован выходцами из Самоса по кувшину, который дали, согласно оракулу. Когда пришли они на остров и, умилостивив бога, сели за завтрак, а воды достать не могли, одна женщина сказала им: «Если есть у вас кувшин, дам воды». Получив же воду, согласно оракулу, попросили и землю. Когда же получили и ее, назвали остров по кувшину и стали изображать кувшин на серебряных монетах"¹¹.

В основе такого толкования топонима лежит народная этимология, сближающая названия полиса и острова с греческим словом "прохоос", означющим "сосуд", "кувшин". А нумизматические детали новеллы находят подтверждение в подлинных реалиях: изображение кувшина-ойнохой действительно присутствует на монетном серебре Проконнеса, выпуск которого, кстати сказать, осуществлялся весьма непродолжительное время — в пределах первой половины IV в. до н.э.¹²

Достоверность интерпретации нумизматических типов античными авторами, жившими подчас на несколько столетий позднее осуществления упоминаемых ими денежных эмиссий, очевидна еще в ряде случаев. Наглядный пример этого дает тот же Плутарх, когда сообщает в жизнеописании Александра Великого (Plut. Alex., 4), что македонский царь Филипп II (занимал престол в 356—336 гг. до н.э.) "...увекочил победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах"¹³. Великолепными иллюстрациями к этому свидетельству служат золотые статыры Филиппа, дошедшие до нас в большом количестве¹⁴.

¹¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Пер. Я.Н.Любарского. СПб.: 1992. С. 181.

¹² Sear D.R. Op. cit. Vol. II. London, 1979. P. 371. NN 3992—3995.

¹³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания Т. II. М., 1963. С. 397.

¹⁴ Le Rider G. Le Monnayage d'Argent et d'Or de Philippe II. Paris, 1977.

Тем более не удивительна осведомленность, которую выказывает Лукиан из Самосаты (II в. н.э.) в своем сочинении "О сирийской богине", когда говорит об изображении Европы верхом на быке как о монетной эмблеме финикийского города Сидона. Ведь данная двухфигурная композиция, появившаяся на сидонских монетах еще в эллинистическое время, помещалась там и в эпоху римского владычества, включая годы жизни самого Лукиана¹⁵.

Как показывают приведенные примеры, надежность сообщений античной традиции об интересующих нас эмблематических сюжетах может быть разной. Все зависит от того, что лежало в их основе: народная этимология, собственные логические построения древнего автора или точная историческая информация. Окончательная же оценка достоверности любых суждений античных историков и литераторов о семантике полисных эмблем, помещавшихся на монетах, может быть дана только после обращения к наличному нумизматическому материалу.

¹⁵ Sear D.R. Op. cit. Vol. II. P. 547, 548. NN 5959—5966; Sear D.R. Greek Imperial coins and their values. The local coinage of Roman Empire. London, 1991. P. 44, 58. NN 478, 627.

А.А.Ткаченко

"Notitia Dignitatum"
как источник по
позднеантичной
эмблематике

Данная статья приурочена к выходу в свет нового издания "Notitia Dignitatum", недавно подготовленного Робертом Ирландом для серии "Teubner. Это первая за последние сто с лишним лет полная публикация не только текста, но и связанных с ним миниатюр, которая, безусловно, даст новый импульс к исследованию этого уникального памятника.

"Notitia Dignitatum" (далее — ND) давно введена в научный оборот (в том числе и в нашей стране)¹. Она незаменима при изучении исторической географии, позднеримской административной и военной системы. Использованию ND при исследовании античной эмблематики до сих пор препятствовал ряд обстоятельств. Прежде всего, это труднодоступность оригинальных цветных миниатюр с инсигниями высших должностных лиц Римской империи. Кроме того, не решены многие источниковедческие проблемы.

Средневековый кодекс, хранившийся в библиотеке Шпейерского собора (т.н. Codex Spirensis), с которого в XV—XVI вв. было сделано несколько копий, утерян². Самая известная копия ND с 88 рисунками

¹ См. напр. Ломоури Н.Ю. К выяснению некоторых сведений Notitia Dignitatum и вопрос о т.н. Понтийском лимесе // Византийский временник. Т. 46. М.: 1986. С. 59—74.

² Его небольшой фрагмент найден в 1906 г. и датируется концом IX-X вв. (см.: Lehmann P. Die Mittelalterliche Dombibliothek zu Speyer // Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Abt. 1934. N 4. S. 15ff.).

входит в состав целого комплекса сочинений³ и сейчас хранится в Bayerische Staatsbibliothek Мюнхена (Cod. Monac. Cat. 10291 — M1). Поскольку миниатюры этой копии явно модернизированы (выполнены в стиле Северного Возрождения), для первого владельца, графа Оттейнриха, в 1551 г. с оригинала был изготовлен другой, более точный вариант (M2), который и послужил основой для последующих публикаций.

Две другие копии принадлежали известным гуманистам и библиофилам⁴. Они менее точные и обычно используются для выяснения некоторых деталей в M2 (например, в руках богини на инсигнии проконсула Африки вместо колосьев нарисованы птицы). Кроме того, в них содержатся изображения, отсутствующие в M2: две персонифицированные эмблемы городов и геральдический орел на сфере с подписью SPQR и DIVUS AUGUSTUS PATER⁵.

Первое издание "Notitia Dignitatum", выполненное Гелениусом в 1552 г., также сохраняет актуальность, так как он использовал манускрипт, отличающийся от всех прочих. Первым же научным считается комментированное издание Е.Бёкинга⁶. До недавних пор большинство исследователей пользовались самым распространенным изданием О.Зеека⁷.

По-прежнему остается нерешенным вопрос: кто, когда и с какой целью свел воедино вышеперечисленные сочинения? Доказано, что утерянный кодекс был копией с манускрипта каролингского времени, выполненной, возможно, т.н. Григорием Мастером из Трира⁸. Тем более, в самом Шпейере была целая коллекция каролингских рукописей. Кроме того, известно, что Altercatio Hadriani et Epicteti читал Алкуин⁹. Эйнхард же сообщает, что после смерти Карла остались 3 серебряные таблицы: первая — квадратная с описанием Константинополя, вторая — круглая с описанием Рима, третья — самая большая с описанием всего мира (Vita Carol. 98—101).

Не ясно также, кто и зачем создал "Notitia Dignitatum". По мнению одних исследователей, она была сделана для Валентиниана III (425—455), так как копия по всем признакам происходит из Равенны, столицы Западной Римской империи. По мнению других, создание ND как-то связано с разделом империи при Феодосии I.

В историографии нет и общепризнанной датировки памятника. Существуют два основных подхода к этому вопросу. Один из них базируется на теории единой редакции, последователи которой (например, Д.Ж.Бьюри¹⁰) считают, что вся "Нотития" от начала и до конца в какой-то момент подверглась исправлению, хотя ее части ("западная" и "восточная") возникли в разное время. В специальных работах Дж.Бьюри, Е.Полячека¹¹ или А.Х.М. Джонса¹² публи-

³ Там также содержатся Itinerarium Antonini (Певтингерова карта), Aethici Cosmographia, Septem montes Urbis Romae, Dicuili De mensura orbis terrae, Notitia Galliarum, Laterculus Polemii Silvii, De montibus portis et viis Urbis Romae, трактат De rebus bellicis с 12 рисунками, диалог Altercatio Hadriani Augusti et Epicteti Philosophi с изображением его участников, Descriptio Urbis Romae с эмблемой, Descriptio Urbis Constantinopolitana, небольшое сочинение De gradibus cognationum с изображением козерогов.

⁴ Cod. Canon. Misc. 378, который сейчас находится в Bodleian Library в Оксфорде, и Cod. Paris. latin. 9661 в Парижской Национальной библиотеке.

⁵ Omont H. Notitia Dignitatum imperii Romani: reproduction reduite des 105 miniatures du manuscrit latin 9661 de la Bibliotheque Nationale. Paris, 1911.

⁶ Notitia Dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis. / Recensuit E. Boeking. T. 1. Oriens (fasc. 1-2). T. 2 Occidens (fasc. 3). Bonn, 1839—1853.

⁷ Notitia Dignitatum: accedunt Notitia urbis Constantinopolitana et Laterculi prononciarum. /Ed. O. Seeck. Berlin, 1876.

⁸ Alexander J.J.G. The illustrated manuscripts of the Notitia Dignitatum // Aspects of the Notitia Dignitatum. Papers presented to the conference in Oxford. Dec. 13 to 15, 1974. /Ed. R. Goodburn, P. Bartholomew. Oxford, 1976. (Ser.: British Archaeological Reports. Suppl. 15.). P. 25.

⁹ Seeck O. Zum Kritik der Notitia Dignitatum // Hermes. N 9. 1875. S. 231.

¹⁰ Bury J.B. The Notitia Dignitatum // JRS. N 10. 1920. P. 131—154.

¹¹ Polaschek E. Notitia Dignitatum // R.-E. 17. 1. 1936. Coll. 1114—1116.

¹² Jones A. H. M. Notitia Dignitatum // Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284—602. A social, economic, and administrative survey. V. 1—3. Oxf., 1964. (Appendix II. P. 347—380).

кация ND в единой редакции датируется 427/428 или даже 438 гг. Исследователи же отдельных провинций предпочитают более раннюю датировку — 400-410 гг.

В основе другого подхода лежит теория "страт", родоначальником которой был О.Зеек¹³. Ее последователи полагают, что ND (по крайней мере, ее "западная" часть) является копией "рабочего" документа, а, значит, отражает разные периоды истории, передает динамику событий. Поэтому, можно указать только верхнюю и нижнюю границы (обычно называют 378 и 427/29 гг.)¹⁴.

При датировке чаще всего ориентируются на следующие моменты. Во-первых, состояние Иллирика, западные диоцезы которого (Паннония Третья, Далмация и Норик Второй) в 396 г. отошли к префектуре Италия (Осс. 2. 29—34). Во-вторых, в ND при перечислении монетных дворов не назван Медиолан (ситуация до 395 г.), но упоминается *comes Gildoniaci patrimonii* (Гильдо убит в 398 г.). Мавритания же, переданная вандалам в 435 г. по договору Гейзериха и Валентиниана, еще числится среди римских провинций (возможно, римляне надеялись отвоевать ее и не стали вычеркивать). Затем, упоминаются легион *Placidia Valentiniani Felices* (в честь Валентиниана III), легионы в честь Аркадия и Гонория — то ли как сыновей Феодосия I, то ли как самостоятельных правителей уже после его смерти (395—408 гг.). Наряду с этим встречаются подразделения еще доконстантиновского периода (легионы в честь Диоклетиана и Максимиана — *Ioviani* и *Herculiani*).

В любом случае, для реконструкции эмблематики колебания в 30—40 лет еще вполне допустимы. Гораздо важнее ответ на вопрос о подлинности источника, тем более, что первые обладатели копий ND, увлекались античностью.

Сейчас можно считать доказанным, что текст памятника не является поздней подделкой. Но миниатюры по-прежнему, вызывают сомнения у исследова-

¹³ Seeck O. *Quaestiones de Notitia Dignitatum*. Berlin, 1872.

¹⁴ Clemente G. *La Notitia Dignitatum*. Cagliari, 1968; Hoffmann D. *Das spaetromische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum*. V. 1-2. 1969-1970.

телей¹⁵. Синхронных памятников, с которыми их можно было бы сравнить, почти не сохранилось (колонны Аркадия и Феодосия разрушены). Тем не менее, их античное происхождение проявляется в мельчайших деталях. Так, на эмблемах чиновников архитектурные сооружения с высоты "птичьего полета" изображены точно также, как и на итинерариях, в "Ватиканском Вергилии", на мозаиках Санта Мария Маджоре, или у Агрименсоров. Персонифицированные эмблемы городов встречаются на мозаике V в. из Карфагена и в календаре 354 г. Фурия Филокала, хотя и выглядят там более языческими. Изображения географических объектов нанесены только на римской территории (например, Евфрат изображен в Месопотамии, но не в Сирии (Ог. 36), Дунай — только в Малой Скифии (Ог. 39), а Рейн совсем отсутствует (Осс. 41); Альпы — только у комита Италии (Осс. 24), а Тавр — у комита Исаврии (Ог. 29)), на что вряд ли бы стали обращать внимание в эпоху Возрождения. Об этом же свидетельствует и то, что на инсигнии викария города изображены коробочки для письменных принадлежностей, известные по диптиху Пробиана 400 г. и из сочинения Иоанна Лида "О магистратах римского народа" (*De mag. 2. 14. 1*).

Теперь несколько слов о внутренней структуре памятника. "Notitia Dignitatum", в соответствии с делением империи, состоит из двух равных частей — "восточной" (*Pars Orientis*) и "западной" (*Pars Occidentis*). В "восточной" части — 45 секций, пять из которых полностью или частично уничтожены: *praefectus urbis* Константинополя (Ог. 4); *praepositus sacri cubiculi* (Ог. 10); *primicerius sacri cubiculi* (Ог. 16); викарий Македонии (Ог. 27); дук Ливии (Ог. 30). В начале каждой секции, кроме первой и второй, помещены инсигнии. "Западная" часть также состоит из 45 секций, из которых три утеряны: *praepositus sacri cubiculi* (Осс. 8); *primicerius sacri cubiculi* (Осс. 14); дук Германии Первой (Осс. 39). Не сохранилось инсигний преторианского префекта Галлии (Осс. 3) и викария города Рима (Осс. 19), а в 1, 7 и 42 секциях их, возможно, и не было. Кроме того, каждой части предпослан "индекс", т.е. перечень должностей в по-

¹⁵ Grigg R. *Inconsistency and Lassitude: Shield emblems of the Notitia Dignitatum* // JRS. N 73. 1983. P. 132-141.

рядке старшинства, причем в "индексе" они расположены иначе, чем по секциям.

Помимо инсигний высших чиновников, в "Нотии" имеются 265 "щитовых" эмблем легионов и когорт. Чаще всего на них изображаются странные зооморфные существа, парные прыгающие животные, маски или человеческие лица, полумесяцы, расходящиеся солнечные лучи, разнообразные кресты и графические фигуры. Все "щиты" круглые. Этому можно подыскать разные объяснения: либо так было проще рисовать, используя графарет, либо перед нами вовсе не щиты, а, скажем, *segmenta*, т.е. знаки, которые носились на плече.

В некоторых местах подписи под эмблемами отличаются от основного текста ND. Сложно сказать, связано ли это с какими-то историческими событиями или является следствием банальных ошибок переписчиков. Некоторые несовпадения можно объяснить тем, что легионы слишком часто перебрасывались с одного "горячего" участка на другой.

Часть легионов не имеет инсигний. По мнению Р. Григга, это свидетельствует о том, что эмблемы вообще не имели практического применения и служили всего лишь абстрактными иллюстрациями к тексту¹⁶. Он подсчитал, что ближе к концу "Нотии" количество "замысловатых" изображений резко уменьшается и больше становится графики (от 4% на первых "восточных" листах до 54% на последних "западных"). Тем не менее, отсутствие эмблем у некоторых подразделений можно объяснить. Например, Дунайские провинции до 427 г. находились во власти гуннов. Поэтому, воинские части в Паннонии Второй и Валерии безымянны и не имеют инсигний.

Да и вообще, неизвестно, что нужно считать нормой для этих эмблем — графику и цвет или символы и фигурки, которые могли обозначать, скажем, "гвардейские" части или присуждаться за участие в какой-нибудь военной кампании.

Была выдвинута гипотеза¹⁷, что основой для эмблем ND служили значки легионов Ранней империи, известные по монетным сериям императоров III в.

¹⁶ Ibid. P. 135.

¹⁷ Berger P.C. The insignia of the Notitia Dignitatum. New York, London, 1981. P. 48.

(Галлиена, Викторина и др.), большую часть из которых составляют знаки зодиака и мифологические образы:

Primani (Or. 6.5) (веревка, завязанная узлом) = Legio I Italica (вепрь или морской конек);

Quinta Macedonica (Or. 7.4.) (молния) = Legio V Macedonica (орел);

Decima Gemina (Or. 7.7.) (молния) = Legio X Gemina (бык);

Tertiodecimani (Or. 8.6.) (прыгающий хищник, похожий на гепарда) = Legio XIII Gemina (лев);

Quartodecimani (Or. 8.7.) (орел) = Legio XIV Gemina (Козепор);

Secundiani (Or. 9.13.) (пустой) = Legio II Adjutrix (Перас);

Minervia (Or. 9.15.) (пустой) = Legio I (Минерва или овен);

Octaviani (Occ. 5.10.) (пельты, т.е. серповидные щиты) = Legio VIII Augusta (бык);

Secundiani (Occ. 5.86.) (крест в колесе) = Legio II (волчица или Близнецы);

Tertiani (Occ. 5.88.) (пустой) = Legio III (аист).

Однако, точных совпадений, как мы видим, практически, нет. Очевиден перелом в эмблематике. Связан ли он с изменением состава легионов, общей "варваризацией" культуры, распространением христианства или чем-то еще, сказать сложно. Во всяком случае, элементы германской символики в "щитовых" эмблемах прослеживаются очень четко¹⁸.

Встречаются «говорящие» наименования легионов сопоставимые с конкретными символами: например, львы у *Leones*. Особенно это относится к германским частям (еще с III в. в римской армии со своей символикой). Например, изображение у *Cornuti* (Or. 6.9; Occ. 5.14 или 5.25) совпадает с их эмблемами на пьедестале арки Константина в Риме в честь победы над Максенцием. У *Herculiani* по идее должен быть Геркулес, но у них, как и у *Ioviani* — орел (Or. 5. 3,4; Occ. 5. 2,3). При этом у *victores* мы не находим изображения Победы (Or. 5. 22), но оно есть у *Herculiani*

¹⁸ Alfoeldi A. Cornuti: A Teutonic Contingent in the Service of Constantine the Great and its Decisive Role in the Battle at the Mulvian Bridge // *Dumbarton Oaks Papers*. N 13. 1959. P. 169-183.

juniores (Or. 5. 21) и здесь в равной степени возможны: ошибки, смещения нумерации или неудачное редактирование.

Некоторые из этих символов встречаются на на щитах телохранителей Валентиниана I и Феодосия I (missorium из Женевы и Мадрида). На арке Галерия в Салоникеах (300 г.) — прыгающий лев (Legio XIII Gemina) и орел с молнией в лапах (Legio V Macedonica).

Итак, в любом случае следует заключить, что Notitia Dignitatum является важным источником по эмблематике. Даже если ее миниатюры и подделка, то подделка позднеантичная, которая, в любом случае, отражает основные принципы построения эмблематических композиций в эпоху поздней Римской империи.

Е. А. Яровая

О геральдике генуэзских ремесленников

Господствующие верхи Генуи, неоднородные по своему составу, как известно, делились на нобилей и пополаров. Последние, в свою очередь, на кушцов (mercanti) и ремесленников (artefici). У каждого из этих слоев геральдическая система имела свою специфику. Речь пойдет об особенностях геральдики местных ремесленников.

В Северной Италии традиционно сильны были объединения по профессиональному признаку. Вышедшие из древнеримских ремесленных коллегий и средневековых корпораций, итальянские цехи (arti), как пишет В.И. Рутенбург, играли значительную экономическую и политическую роль в городах-коммунах¹. Ф. Вальсекки именует цех "самой маленькой ячейкой средневекового социального и политического организма"². Италии, своего рода государством в государстве. Их количество говорит само за себя: 21 цех действовал во Флоренции, 47 в Перудже, крупные гильдии Милана и Болоньи объединяли большинство ремесленников этих городов. В Орвьето (Тоскана) 29 профессиональных организаций сохранялись вплоть до середины XVII в.

Цеховая геральдика характерна для всех итальянских ремесленнических корпораций. Печати и знамена с цеховыми инсигниями были распространены

¹ Рутенбург В.И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. Очерки. Л.: 1987. С. 46.

² Valsecchi F. Comune e corporazione nel Medioevo italiano. Цит. по: В.И. Рутенбург. *Op. cit.*, с. 48.

практически повсеместно. Дж.Баскапе приводит многочисленные примеры корпоративных эмблем Ареццо, Болоньи, Больцано, Кортонна, Кремоны, Лукки, Милана, Модены, Падуи, Пармы, Пизы, Пистойи, Прато, Рима, не говоря уже о Флоренции³. Флорентийский хронист Джованни Виллани в своей "Новой истории, или хронике Флоренции" так объяснял необходимость иметь семи старшим цехам свои знамя и герб – "чтобы в случае вооруженных беспорядков в городе они могли бы собраться под эти знамена на защиту народа и коммуны"⁴. Например, у цеха "Калимала" в красном поле щита изображен летящий орел, цепко держащий в когтях сверток. Это типичный вариант эмблемы торгового синдиката. Герб "Менял" – золотые монеты в красном поле. Коллегия судей и нотариусов имела эмблемой восьмиконечную звезду в белом поле. Шерстянщики поместили на своем знаке *Agnus Dei*, божественного агнца в лазурном поле со штандартом фракции "Popolo", а врачи и аптекари – фигуру Мадонны с младенцем. Геральдическое изображение меха белки украшало герб корпорации "Шубников и меховщиков". А цех шелкоделов имел на гербовом щите изображение Ворот св. Марии по названию места, где проживала большая часть его членов. Пять средних цехов тоже получили свои знамена и гербы, когда была учреждена синьория из цеховых приоров. У мясников (*Bessaì*) – в золотом поле черный козел, у каменотесов и плотников в красном поле изображен набор инструментов: пила, топор, кирка и долото, у кузнецов и слесарей в белом поле помещены большие черные клещи. Болонский цех кузнецов и слесарей пользовался изображением больших черных клещей в белом поле. Болонский цех кузнецов в качестве символа избрал наковальню, молоток и клещи, а местные ювелиры – золотой кубок под короной. В эмблеме мясников (*macellari*) из Орвьето изображены три разделочных ножа, у местных закройщиков и цирюльников – ножницы, с той разницей, что у первых большие, портновские, а у вторых – поменьше, для стрижки и в окружении бритв.

³ Bascapé G.C. *Sigillografia*. Vol. I. Milano, 1969. P.343–358. Tav. I-III.

⁴ Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. Пер. М.А.Юсима. М.: 1997. С. 207.

Как видно из приведенных примеров, в целом изображения на цеховых эмблемах можно условно разделить на три группы: инструменты труда (клещи, молоток, ножницы), результаты труда (кубок, горшок, бокал вина) и материалы труда (бык, козел, оливковая ветвь, беличий мех). В основной массе цеховые гербы относятся к типу так называемых "аллюзивных" (*armi alludenti*), когда символическая фигура, изображенная на гербовом щите, призвана вызвать ассоциацию, напомнить о предмете или животном, связанном с видом деятельности того или иного цеха. Однако, классифицируя корпоративные печати, Дж.Баскапе считает нужным выделить цеховые печати с изображением "говорящих" фигур – например, изображение горшка на знаке гончара⁵. На наш взгляд, принципиальной разницы между "говорящим" изображением горшка, помещенным в эмблеме гончарного цеха, и фигурой быка на инсигнии мясников нет, и разграничение корпоративных гербов на "говорящие" и "аллюзивные" избыточно, поскольку понятие "аллюзивные" гербы охватывает все типы ремесленнических эмблем.

В Генуе не наблюдается ничего подобного. Здесь ремесленники, получившие влияние и богатство, желали не противопоставить себя старинной феодальной аристократии, а хотели, скорее, ассимилироваться с ней, влиться в правящую элиту, получив при этом рыцарский герб. Крепкая цеховая организация только препятствовала бы этому. А при отсутствии организации отпадает и необходимость в цеховой геральдике. Однако мы не беремся утверждать, что в Генуе вообще не существовало цеховой системы. Безусловно, были крупные судостроительные и судоремонтные цехи-мастерские, но на политической арене они сами по себе не выступали. Видимо, поэтому ни в одном стеммари не упоминаются о каких-либо цеховых или корпоративных гербах. Речь идет только об индивидуальных фамильных инсигниях генуэзских ремесленников. Важно отметить, что они полностью лишены какой бы то ни было профессиональной окраски. Единственный герб с изображением рабочего инструмента, пилы, распиливающей бревно, имеется на геральдиче-

⁵ Bascapé, op. cit. P. 346.

ском щите рода Бавастро. Однако, это – герб "говорящий", поскольку корень фамилии Бавастро (*bava*) по-итальянски означает также и зубец, острый выступ на поверхности металла, что визуализировано в изображении пилы. Характерно, что личные гербы ремесленников представляют собой комбинацию из тех же самых эмблем, что и геральдические знаки нобилей. Таков, например, герб рода Кабелла – в красном поле голубая противозубчатая перевязь, на ней шагающий лев в золоте. Герб ремесленников Борласка не уступает по сложности графскому или герцогскому: поле щита разделено тремя поясами: в первом в золоте возникающий черный орлик; во втором в красном золотой крест, в углах которого четыре византийские В; третий пояс разделен на три столба: красный, черный и голубой.

Если, по меткому замечанию А.Д.Роловой, "в XIV в. о рыцарском гербе мечтал даже флорентийский ремесленник"⁶, то, в отличие от своего тосканского собрата, генуэзский ремесленник превратил мечту в реальность. Процесс внедрения во властные структуры Генуи простых ремесленников шел постепенно. Эволюцию их социального статуса можно проследить вслед за Ч.Каттанео Маллоне по сохранившимся в секретном архиве Генуи спискам избранных в Совет старейшин (*anziani*). За 1350 г. среди представителей нобильских семейств Дориа, Гримальди, Фиески, Спинола некие персоны обозначены лишь именами, данными при крещении, рядом с названием профессии и без указания фамилии: *Nicolo pelisago* (Николо скорняк), *Zanotto sampanago* (Дзанотто звонарь). Иногда фамилия присутствует: *Federico Canelli tagliatore* (Федерико Канелли закройщик). К 1416 г. бесфамильных в списках старейшин уже нет, зато наблюдается расширение спектра профессий: появляется *Luigi de Guasco barbero* (Луиджи де Гуаско цирюльник). Есть также мельники, суконщики, шерстянщики и прочие мастеровые⁷. Уточнить сословную принадлеж-

ность этих привилегированных ремесленников довольно сложно. По мнению Ч.Каттанео Маллоне, это были, скорее всего, мастера цехов или владельцы боттег (предприятий-мастерских). По какому принципу они попали в ряды старейшин – вошли на основе материального ценза или же были отмечены за выдающиеся личные качества и заслуги – сказать определенно нельзя. Большинство из них впоследствии будет приписано к генуэзскому патрициату и войдет в *Libro d'Ogo*, рассредоточившись по альберго. И потомки скромного закройщика Федерико Канелли, и шерстянщиков Баттиста де Рапалло и Томмазо де Сестри (фамилии обоих указывают на происхождение из одноименных местностей Лигурии) и мельника Джеронимо Пиппо уже к середине XV в. станут владельцами рыцарских гербов. Позже всех приобщатся к знати выходцы из семьи цирюльника Луиджи де Гуаско: лишь в 1650 г. имена его потомков будут вписаны в Золотую книгу генуэзской аристократии. В этой связи как нельзя более справедливо высказывание Дж. Ди Феррари: "В Генуе аристократия – это социальная группа, а не голубая кровь и древнее происхождение"⁸.

Политическим апогеем представителей ремесла стал переломный 1399 г., когда республика впервые попала под власть французского короля Карла VI. Ремесленники избрали четырех членов правления, цеховых приоров (*Priori delle Arti*), которые управляли коммуной совместно с двенадцатью Советниками. Конеч недолгому самоуправству ремесленников положил приезд в 1401 г. наместника французского короля, губернатора Генуи Жана Леменгра Бусико, восстановившего прежний порядок.

В ряды ремесленников вливались и работники бюрократического аппарата – многочисленное племя адвокатов, законников, докторов права, объединенных под общим термином *notai* (нотариусы). Например, члены семьи Кьявроя именуются в официальных документах "notaio", имеют свою фамильную символику и впоследствии вступают в альберго сиятельнейших Дориа.

⁶ Ролова А.Д. Дворянство Италии конца XV – середины XVII в. //Европейское дворянство XVI–XVII в.: границы сословия. Под ред. В.А.Ведюшкина. М.: 1997. С. 84.

⁷ Cattaneo Mallone C. *La Nobilita' genovese dal Boccanegra alla riforma di Andrea Doria (appenice)* //Storia dei genovesi. Vol. XI. Genova, 1991. P. 118–137

⁸ Di Ferrari G. *Storia della Nobilita di Genova* // *Giornale Araldico*. Bari, 1909. Anno XXV. P. 9.

Любопытные результаты дало обращение к геральдическим памятникам генуэзской колонии Каффы. Был выявлен герб с изображением секиры-топора, помещенный в одном ряду с консульским, дожеским гербами и гербом Генуи на обрамлении каффинского колодца (восьмигранный сегмент горловины колодца хранится в Феодосийском краеведческом музее, впервые опубликован М.Г.Крамаровским в 1992 г.⁹) На нем высечена надпись и дата: Michal de Padua me feci MCCCXXXI die V agost (Михаил из Падуи сделал меня в 1331 году августа 5 дня). Это – самый ранний геральдический памятник Каффы.

М.Г.Крамаровский высказывает предположение о связи герба с секирой с ремесленным объединением каменотесов. В доказательство он приводит упоминание в Уставе Каффы 1449 г. должностей "главного мастера" и "старшего мастера" у каменщиков-профессионалов, которым запрещалось покидать город без официального дозволения. Однако эта гипотеза не находит других подтверждений. Не вдаваясь в подробности развития и организации ремесла в средневековой Каффе, отметим только, что, скорее всего, как и в метрополии, цеховой структуры в колониях не было. Наиболее вероятно, что эмблема с секирой принадлежала цеху падуанских каменщиков, в который входил мастер Михаил, гордо поставивший подпись на своем произведении.

Этот поступок кажется слишком смелым. Довольно сложно представить, чтобы приезжий ремесленник, негенузец, поместил герб своей корпорации рядом с гербами Генуи и гербами членов городской администрации. И это далеко не единственный пример геральдического оформления колодцев и фонтанов в Каффе; с течением времени здесь прослеживается некоторая традиция подобного оформления. Сегодня нам известны четыре обрамления местных колодцев, содержащие в декоре гербы. Обычно помещались гербы спонсоров закладки этих важных элементов в системе водоснабжения. Одно из них подписано изготовителем-армянином: "построен колодец

⁹ Крамаровский М.Г. Обрамление каффинского колодца 1331 года мастера Михаила из Падуи // Античная древность и Средние века. Вып. 26. Барнаул: 1992. С. 214–219.

Амиром лета..." и несет четыре изображения герба епископа Гриффедо Чигара. Трудно делать категорические выводы из столь немногочисленных примеров, однако некоторые предположения можно высказать: 1) в отличие от закладных плит, колодцы подписывались мастерами-каменщиками; 2) в декоре колодцев присутствует герб спонсора его возведения. Исходя из этого, возможно, что сооружение колодца в 1331 г. было спонсировано профессиональной организацией падуанских каменщиков. Созданные по флорентийскому образцу, цеховые братства в Падуе (Unioni delle fraglie) известны с начала XIII в. Однако, как отмечают итальянские историки-медиевисты, уже к 1318 г. они начали терять самостоятельность и политическое значение. Существует предположение, что орнаментика колодца в виде четырех- и шестичастных розетт и фигурок голубей не случайна, она связана с элементами, входящими в падуанские городские эмблемы.

В один смысловой ряд с гербом каменщика нужно поставить и уникальную матрицу-печать с эмблемой профессии кузнеца – молотом и наковальней, найденную при раскопках городища средневекового Солхата и впервые опубликованную М.Г.Крамаровским в 1981 г. Ученый уверенно связывает эти два редчайших изображения атрибутов ремесла на гербе с секирой и на печати, предполагая, однако, что на сей раз "речь идет о личной печати мастера-металлиста, владельца собственной мастерской"¹⁰. В труде Дж.Баскапе приводятся личные печати кузнецов с изображением молота¹¹. Следуя предложенной нами логике, надо полагать, что происхождение солхатской находки негенуэзское. Владелец этой печати приехал в крымские колонии из какого-либо другого итальянского центра, подобно кузнецу из Пьяченцы по имени Уголино, работавшему около 1289 г. в Каффе (по данным нота-риуса Ламберто ди Самбучето) и каменщику Михаилу

¹⁰ Крамаровский М.Г. Прикладная печать с городища средневекового Крыма // Сообщения Государственного Эрмитажа, XLVI Л.: 1981. С. 51–52; см. также: Крамаровский М.Г. Редкая матрица-печать с эмблемой профессии кузнеца из средневекового Солхата (Крым) // Крымские степи. Донецкий гос. ун-т. Донецк: 2000.

¹¹ Bascapé, op. cit. P. 406.

из Падуи, о котором уже шла речь. Бронзовая печать (выс. 13 мм) предназначалась для оттисков по воско-мастичной массе. Вполне допустимо, что ею каффинский кузнец ставил печать на документах, письменно подтверждая свои обязательства перед коммуной Каффы.

Возникает резонный вопрос: каким же образом возможно отличить обыкновенного мастерового artigiano от привилегированного члена общества artefice? Согласимся с Дж.Бернабо ди Негро: главным определяющим критерием социального статуса является герб¹². Только его наличие или отсутствие вводит простого ремесленника в ранг правящих слоев или оставляет за их рамками.

Содержание

Хроника.....	3
Библиография.....	7
Обзоры и критика.....	16
<i>М.П.Голованова</i> Знамена в музейных собраниях: хранение и реставрация.....	16
<i>С.Андрюеш-Табак</i> X Конгресс по генеалогии и геральдике	17
<i>А.П.Черных</i> Российский герб глазами нумизмата	18
<i>О.Н.Наумов</i> Геральдические ошибки одного учебного издания.....	25
Исследования	
<i>А.А.Молчанов</i> Истолкование полисных эмблем в античной письменной традиции: источниковедческие подходы.....	27
<i>А.А.Ткаченко</i> "Notitia Dignitatum" как источник по позднеантичной эмблематике.....	33
<i>Е.А.Яровая</i> О геральдике генуэзских ремесленников.....	41

¹² Bernabo Di Negro. L'araldica a Genova, 1983. P. 94.

ББК
63.3(3)

С 32

Signum. Научно-информационный бюллетень Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН. Отв. ред. А.П.Черных. Вып. 2. М.: ИВИ РАН, 2000. 50 с.

ISBN 5-94067-037-7
С 0503010000 - 14
45Ж(03) - 2000

ЛР № 020915 от 23.09.2000
Объем 2,0 п. л. Бумага
офсетная. Формат 60x84/16.
Гарнитура имтаймс. Сдано в
печать 01.12. 2000

Полиграфия:
В.А.Головкин

Наш адрес:
Россия 117334 Москва,
Ленинский пр., 32-а.
Институт всеобщей истории
РАН,
Центр гербоведческих и
генеалогических
исследований